

О тех, кого вы давно не видели

— Борис Тимофеевич, с чем связан ваш уход из театра?

— Думаю, имел моральное право уйти. Ведь оперной сцене отдал в общей сложности около сорока лет. Ну и главное — не считаю больше возможным состязаться с оркестром, который не играет, а просто гремит. После реконструкции театра оркестровую яму очень сильно расширили, а исполнять оперу в сопровождении симфонического оркестра... Форсировать пение, орать — не вижу смысла. Таких примеров у нас уже немало, когда люди теряют голос и уходят. Быть очередной жертвой не хочу. Сейчас я стал петь свои сольные концерты, включая в них церковную музыку. Для меня открылся еще один большой, неведомый ранее, пласт.

— Многие свердловчане [екатеринбуржичи] по сей день считают, что ваш переезд на невиские берега — большая ошибка, что там, на Урале, раскрылись бы вы в полную силу и достигли гораздо большего.

— То, что я переехал из Свердловска, было явным решением, и я в этом не каюсь. Хотя тогдашний секретарь обкома Кириленко обещал золотые горы, лишь бы я остался. Свердловск в те годы — это великолепная провинциальная опера. Свердловчан я не хочу обидеть — они меня воспитали, там я вырос, консерваторию закончил, но Ленинград — совсем другое, это прежде всего мировая культура. Здесь пели Шаляпин, Собинов, другие великие артисты. Попав в Мариинский театр, я стал работать с великолепным дирижером Сергеем Витальевичем Ельциным. Он, пожалуй, последний из когорты великих дирижеров, таких, как Голованов, Мелик-Пашаев в Большом театре. Со мной работал режиссер, который говорил, к примеру: вот здесь Шаляпин садился, Боря, ты должен сесть. Здесь Шаляпин вставал, ты должен встать.

— В Мариинке ставили тогда «Бориса Годунова»!

— Да, «Бориса» в оркестровке Д. Д. Шостаковича. Дмитрий Дмитриевич присутствовал на репетициях, а четвертого ноября 59-го года состоялась премьера. В спектакле использовали костюмы императорских театров, которые, слава Богу, сохранились. Могло ли быть такое в Свердловске? Я пел в костюме Шаляпина, который теперь находится в музее этого великого артиста. Это же не просто костюм, это настоящее произведение искусства. Позже меня ввели в «Руслана», который шел в декорациях Коровина и Головина 1904 года. Руслана ведь пел Шаляпин — спел один раз и больше уже к нему не возвращался, в дальнейшем он всю жизнь появлялся в роли Фарлафа.

— Что вы считаете «звездным часом» своего творчества?

— Что касается ролей, то мне с ними в жизни очень повезло. Ведь для баса нет большего счастья, чем петь в «Руслане», «Борисе», «Сусанине», «Хованщине», «Князе Игоре». Это пять опер, во круг которых строится вся жизнь басового репертуара. Из «звездных» — Мефистофель в «Фаусте», я тоже его пел, это самая большая и сложная для баса роль.

— Достигли вы той высоты, того совершенства, о которых мечтали?

— Как певец, я чаще всего был не удовлетворен вла-

дением своим голосом. И через много лет сценической практики пришел к горькому, ужасному выводу, что певцу нужно прожить две жизни. Одну — чтобы учиться пению, другую — чтобы петь. И вот после шестидесяти лет могу сказать, что сейчас, как это ни парадоксально, я лучше владею голосом, чем в сорок и пятьдесят. То есть искусство начинается там, где кончается техника. У пианиста, скрипача, певца, живописца — любого художника. Я склонен считать, что не количество, а качество должно решать все. Поэтому сейчас переживаю как бы свою вторую молодость.

— кто выживет. У нас же профессионализм подменялся бюрократизмом, диктатом парткратии и идеологическими структурами. Система рождала массу непродуманных хамелеонов-приспособленцев. Это ведь ужасно, когда перед отъездом на гастроли за границу певца спрашивали: в каком году и в каком месяце был такой-то Интернационал или конференция большевиков? Сидят пять-семь таких экзаменаторов перед тобой где-нибудь в райкоме или в ЦК КПСС и допытываются. И если не ответил, то тебе говорят: знаешь, дорогой, ты у нас за границу не поедешь, не бу-

— где-нибудь в Европе или Америке!

— В двадцать девять лет, когда меня взяли на гастроли в Австрию, я тоже мог не вернуться, как, к примеру, Михаил Барышников. Выучил бы язык, пел бы на немецком, итальянском — как все. Но всегда сдерживала интуитивная любовь к родным местам — у нас хуже, труднее, но все-таки ты здесь со своим народом, ты — дома.

— Есть ли сегодня у наших оперных певцов шанс достичь мирового класса, состязаться творческими личностями!

— Вас сравнивают с Шаляпиным и говорят, что вы до мелочей копируете его жесты, мимику, интонации...

— Даже если бы я этого очень хотел, вряд ли получилось бы — у нас разные природные данные. У меня натура — более лиричная, чем у Федора Ивановича. Менее саркастичным я был в «Мефистофеле» и Бориса Годунова я играл по-другому. Я не играл, как Шаляпин, Бориса-убийцу, а стремился создать образ идеального царя. Царя, который пытался построить коммунизм в России. Но ему это не удалось. Я прочитал Пушкина и понял,

Миссень. — 1992 — февр. (№7). — с. 6

ГОРИ, ГОРИ, МОЯ ЗВЕЗДА...

В это трудно поверить, но в Мариинском театре мне ничего вразумительного не смогли сказать

о Борисе Тимофеевиче

Штоколове — где он сейчас,

здоров ли, чем занимается.

А ведь именно в этих стенах

более трех десятилетий

звучал его редчайшего тембра

и красоты голос, шли

с триумфальным успехом

оперные спектакли.

Как-то незаметно

исчезло имя Штоколова

с театральных афиш, все реже

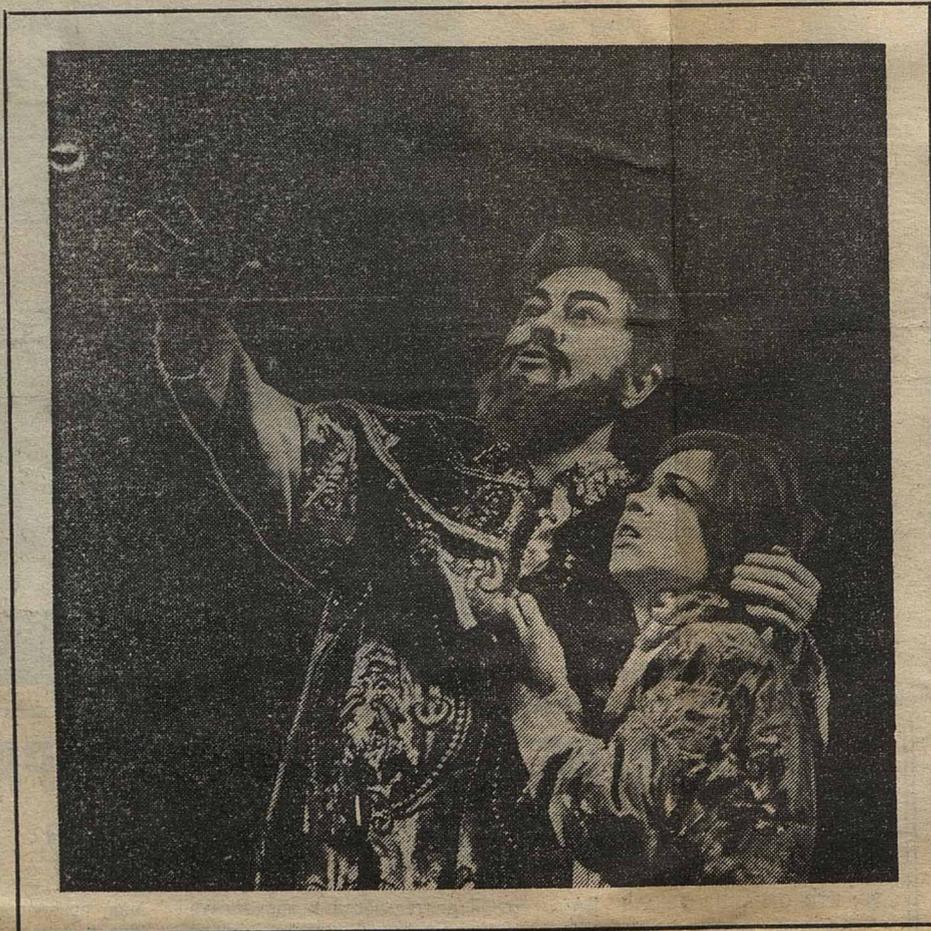
и реже звучат по радио старые

записи.

Сегодня мы в гостях у Бориса

Тимофеевича, в его квартире

на Петровской набережной.

— Работаете вы с педагогом или сами по какой-то системе?

— У меня никогда не было отечественного педагога, я — ученик Энрико Карузо. По крайней мере считаю себя учеником и, думаю, имею на это право, поскольку по системе, которую он изложил в небольшой книге «Как необходимо петь», постоянно занимаюсь уже сорок лет. Правда, воплощать его систему в жизнь оказалось очень сложно. Почему? Об этом пишу в своей книге. В ней же стараюсь раскрыть тайну бельканто Карузо, Шаляпина, секрет успеха Лучано Паваротти. Паваротти сказал как-то, что самая большая его мечта — записать хотя бы один диск так, как записал его Карузо. Он убежден, что ни на одном из международных ежегодных конкурсов теноров Карузо не был еще ни разу побежден.

— Чем различается судьба оперной звезды у нас и на Западе?

— Запад — это борьба профессионалов, конкуренция

дешь петь «Бориса» и «Хованщину», потому что политически еще не созрел.

О зарплате и говорить не приходится. Вкальывая в Мариинском, как раб, исполняя нелегкие партии, я получал буквально копейки — ставка равнялась 550 рублям, а после вычетов — 480. И это была самая высшая ставка в театре. То есть наши актеры в материальном смысле прозябали, а власть никогда не думала о большом классическом искусстве. Мой отец был коммунистом, пока его не убили на фронте. В 38-м его сделали врагом народа, а он не разуверился в коммунистической идее. Ему вернули партбилет, а отец сказал, что это враги партии виноваты, а не партия. Мы дети, плоть от плоти фанатиков, нам тоже внушали, что белые — это сволочи, а красные — коммунисты, они нам рай построят. Розовый рай в облаках...

— Вас хорошо знают и ценят за рубежом — не приходили ли мысли оstatt-

что мой герой никогда не был преступником. В подлиннике Пушкина Борис не убивал Дмитрия. Еще узнал, работая над ролью, что у Бориса Годунова был прекрасный сын, который в четырнадцать лет создал карту России. То есть он готовил на трон идеального человека и сам в известном смысле был идеальным — скромным, без показухи, не жаждущим безграничной власти.

— Если не секрет, чем занимается дома оперная звезда. Много ли времени отнимает быт?

— Слава Богу, в магазинах наших чудовищных никогда не бываю, разве что сбегая за белым хлебом. Хотя для поддержания диеты мне полезнее черный. Сегодня встал и сделал зарядку. Скоро придет пианист и будем работать над моей новой программой. Задумал большой концерт русской и западной вокальной лирики — «Сомнение» и «Не искушай» Глинки, «Горные вершины» и «Вам не понять моей печали» Варламова, «Средь шумного бала» Чайковского. Готовлю три вещи на французском языке — «Серенаду» и «Куплеты» из «Фауста» и «Элегию» Массне. Труднее дается немецкий язык — разучиваю два произведения Шуберта. Записываться сейчас не хочу. Вот подготовлю программу и буду писать все на лазерный диск. Раньше ведь техника была очень примитивной.

— Вы сказали, что пишете книгу — о чем она?

— Назову ее «Гори, гори, моя звезда...» Эта книга о моей жизни. Как бы исповедь сердца. Правда о самом себе. Говорил как-то с одним хирургом — он и посоветовал: пока здоровы, пока на ногах — напишите. Завтра поскользнулись, упали, нет вас — и все. Жизнь довольно смешная. Много людей так ушло, и никто о них толком ничего не знает.

Сергей КРАЮХИН, спец. корр. «Жизни».

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ.

На снимке: Б. Т. Штоколов в роли Бориса Годунова.

Фото Анатолия Медведникова.